~0~

Солнце светило, обдавая мягким теплом все, что попадало под его лучи. Было достаточно рано, чтобы утренняя роса еще не высохла, и поэтому она искрилась в лучах утреннего солнца. Почти безмятежная атмосфера резко контрастировала с реальностью, постигшей того, кто смотрел на нее.

Внутри него разливалось чувство пустой горечи. Его разговор с Цунаде дал очень мало, лишь полусерьезный ответ, что он мог бы сопровождать их. Да и то лишь после долгих уговоров. В конце концов, он смог убедить ее согласиться благодаря своим собственным знаниям о стране Железа.

Его брат, Миура, не мог быть тем, кто изначально отправил это письмо. Цунаде показала ему содержание письма, и Мусаси не был убежден. Самозванец хорошо скопировал формальную манеру речи брата в письмах, но почерк не был идеально похож. Это была мелочь, но она только укрепила его в мысли, что произошедшее не было делом рук его брата.

За годы своих путешествий он отправил и получил несколько писем из дома. Он всегда с осторожностью выбирал место, откуда отправлял письма, поскольку обычно оставался в этом месте в течение недели или около того, ожидая ответа. Это делалось для того, чтобы никто из скрытых деревень не подумал, что за письмами скрывается нечто большее, чем просто братский обмен мнениями о жизни и текущих событиях. Именно благодаря этому он знал, как именно пишет его брат. Кейко получала письма редко, поэтому не смогла бы заметить тонких различий.

Несмотря на его заявления о том, что письмо было отправлено не его братом, Цунаде сомневалась, стоит ли верить его словам. Поэтому, после некоторых дебатов, она согласилась с тем, что ему можно разрешить последовать за ним на миссию для расследования.

Мусаси продолжал снова и снова обдумывать произошедшую встречу. Он чувствовал тревогу, даже тошноту. Он никак не мог заснуть, а когда задремал, его стали мучить кошмары с неприглядными образами. Однажды он уже был так близок к тому, чтобы потерять ее, почему это должно было случиться снова так скоро? Мучительные образы привели его на эту прогулку ранним утром. Жители деревни уже встали и занимались своими повседневными делами, как обычно.

Зная, что рано или поздно Гай вернется и будет наблюдать за ним, как за ребенком, он решил выйти подышать свежим воздухом. В каком-то смысле это было унизительно, когда за ним наблюдали, как за ребенком. Хотя он не имел практики, он знал, как защитить себя. Разве Кейко не говорила ему, что в свое время он мог соперничать с некоторыми чуунинами? Разве не он помогал Сакуре готовиться к экзаменам на чуунина?

Он опустил взгляд на свои руки и кисти, рассматривая все шрамы, образовавшиеся за долгие годы. Сколько времени прошло с тех пор, как он сам тренировался? Как бы ему не хотелось признавать это, но он был вне тренировок. Если бы он продолжал тренироваться, возможно, он

был бы уже сильнее некоторых джонинов в деревне.

Его глаза закрылись, он вздохнул и пробормотал: "Теперь я не могу на это жаловаться". Что сделано, то сделано. Все, что он мог сделать, это двигаться вперед.

Когда он открыл глаза, то заметил что-то и моргнул. Нет, это был кто-то. Кто-то, кого он знал слишком хорошо. Серебристые волосы, не поддающиеся гравитации, были слишком заметны, чтобы не узнать его. Какаши стоял на краю поляны, повернувшись к нему спиной. Перед Какаши находился памятный камень.

Разве Кейко не говорила, что он все меньше и меньше времени проводит там?

Мусаси медленно двинулся к нему, не обращая внимания на то, что утренняя роса впитывается в его ботинки по мере приближения. Только когда он подошел совсем близко, он заметил, что его внешний вид не соответствует действительности. Даже со спины было видно, что волосы у него взъерошены, а одежда помята. Это были незначительные детали, но они были так неуместны на нем. "Какаши?"

Юноша вздрогнул. Это произошло так быстро, что Мусаси не заметил бы этого, если бы не моргнул. Затем Какаши повернулся к нему, и его сердце опустилось еще ниже. Его обычно усталые глаза были пустыми. Искра, которая была раньше, исчезла.

"О, Мусаси, я вас не заметил" - сказал Какаши и повернулся к мемориалу.

Еще несколько шагов, и Мусаси стоял рядом с ним. Даже он был вынужден признать, что молчание было немного неловким. Тем не менее, он не сдавался и все равно заговорил: "Как ты держишься?".

"Я жду".

"Ждешь..." Мусаси раздраженно вздохнул, положив руки на бедра. Он скрипнул зубами: "Я понимаю, почему Цунаде хочет подождать, но мне это не нравится".

Мусаси был уверен, что если бы Какаши был собакой, то его уши насторожились бы. "Вы говорили с леди Цунаде?"

Он кивнул: "Да, если все пройдет хорошо, я пойду с тобой, когда ты отправишься на расследование".

"Я не уверен, что это хорошая идея", - медленно сказал Какаши.

"А почему бы и нет?" Его глаза сузились: "Она моя дочь, не говоря уже о том, что я знаю

Страну Железа лучше, чем кто-либо из вас. Мне плевать на то, что скажет Цунаде, если она передумает, то ей придется убить меня, чтобы я не пошел". Гнев снова нарастал, и он повернул голову в сторону, чтобы прорычать: "Она должна знать, что отец делает все возможное, чтобы защитить своего ребенка."

"Разве?" - ошеломленно произнес Какаши.

В его сознании разыгралась сцена. Темная комната, дождь, стучащий так же яростно, как кровь в его молодых венах, и лужа крови. Хотя с возрастом образы стали расплывчатыми, а эмоции - черствыми, он никогда не забывал, насколько одиноким он себя чувствовал. Одиночество, которое, казалось, всегда находило его. Для шиноби не было ничего необычного в том, что ребенок рос без родителей. Обычно они погибали во время миссии, но чтобы они покончили жизнь самоубийством... это было почти неслыханно. Его отец оставил его одного, чтобы он мог самостоятельно выживать в мире, переполненном насилием и смертью. Много ночей он просидел без сна, размышляя, все ли было бы иначе, если бы он не покончил с собой. Если бы его отец хотел защитить его больше, чем он сам хотел избежать своего существования.

Тяжелая рука легла ему на плечо. Он поднял голову, немного испугавшись внезапного прикосновения, и впервые позволил своим глазам встретиться с глазами Мусаси. Старший мужчина сочувственно улыбнулся: "Конечно, да. Черт, да я уже вроде как считаю тебя своим. Вот почему я беспокоюсь о тебе".

Стоическое и безучастное выражение лица Какаши сломалось. Его глаза расширились, а губы разошлись под маской от шока и удивления. "Что?"

Мусаси крепче сжал плечо юноши и угрюмо сказал: "Я не понаслышке знаю, каково это - потерять того, кого любишь".

Внезапная острая боль стиснула его грудь, и ему пришлось отвести взгляд. Эмоции, которые он пытался скрыть, вспыхнули внутри него, и он вздрогнул, внезапно увидев Кейко в глазах ее отца. Он выдохнул, пытаясь сдержать дыхание, и тут его губы шевельнулись, прежде чем он успел их остановить: "Я никогда не говорил ей..."

Какаши хрюкнул, когда кулак коснулся его плеча, и он зашатался. "Ничего подобного." - сурово сказал Мусаси. "Мы найдем ее, ты расскажешь ей, и тогда я получу внука, ясно?".

Как рыба в воде, Какаши разинул рот, отчаянно пытаясь подобрать слова.

"Хорошо." Мусаси кивнул, убирая палец и выпрямляясь. "А теперь нам пора отправляться в другое место. Кто знает, когда Гай..." Он сделал паузу, удивившись, когда на мемориальный камень приземлилась маленькая певчая птичка, из которой доносилась тихая мелодичная мелодия. "Странно."

"Время пришло."

"А?" Он повернул голову и увидел, что поведение Какаши полностью изменилось. Его поза, которая раньше была сгорбленной и тоскливой, теперь была напряженной и предвкушающей, почти угрожающей.

"Они нашли команду. Мы уходим".

http://tl.rulate.ru/book/66486/1973721